

ДАРЬЯ ПЫРХ
НАДЕЖДА ВЕСЕННЯЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

БУРЯ

Издательство АСТ
Москва

ГЛАВА 1

ПРИЕЗД

Иногда Маша задумывалась о том, хороший ли она человек, перебирала моменты, когда совершала правильные поступки: помогала родителям, выручала друзей, училась на юриста, чтобы защищать других. После добрых дел вспоминались плохие: ложь, чтобы мама отпустила на вечеринку, крупная ссора с подругой, покупка курсовой работы. За двадцать лет она успела и пострадать от людей, и причинить боль. Ее жизнь ничем не отличалась от рутины ровесников, если бы не один опасный секрет, от которого зависела свобода. Мысленно возвращаясь к тому злополучному дню, Маша гадала, можно ли

было избежать трагедии, как сильно на нее повлияло случившееся, а главное — как с этим жить.

Сегодняшней ночью ее волновали похожие размышления. Она глядела в потолок, пока за окном валил снег и трещал аномальный для Краснодарского края мороз. Будильник стоял на пять утра, но уснуть не получалось. Почему-то ей было тревожно. В голове прокручивались варианты предстоящих событий. Обычно она с нетерпением ждала каникул, но в этом году все обернулось иначе.

В конце осени на семинаре по теории государства и права полный, лысоватый преподаватель средних лет рассказал об университетском проекте «Лето с пользой». По его словам, ректорат организовал для школьников нечто потрясающее, чтобы помочь им с выбором профессии, а заодно привлечь будущих абитуриентов. Педагог сообщил озадаченным студентам:

— Коллеги, довожу до вашего сведения, что Федор Данилович, наш уважаемый ректор, поручил сотрудникам составить списки самых инициативных, прилежных и талантливых учащихся. Уверен, в этом кабинете такие точно присутствуют. Избранные получат шанс не просто отдохнуть в живописном месте, но и познакомиться со славной историей детского лагеря «Буря», где мне посчастливилось побывать еще ребенком. Теперь там изумительная природа, благоустроенная территория, отремонтированные корпуса, оснащенные новой мебелью, электроникой и всем необходимым. Трансфер, проживание, питание — все

бесплатно. В течение семи дней вы подготовите рекламные материалы, поправите здоровье и, конечно, пообщаетесь с лучшими умами нашей альма-матер. Итак, желающие участвовать, поднимите руку, — любезно улыбнулся он, но никто не проникся пламенной речью. — Что ж, понимаю, жизнь первокурсника не легка: адаптация к непривычным условиям, множество домашних заданий, высокие требования, первая в жизни сессия. Федор Даниилович приказал освободить добровольцев от зачетов и экзаменов по некоторым предметам, мой входит в перечень. Не хочу пугать, однако должен предупредить: редко кто сдает мне ТГП с первого раза. Особенно тяжело приходится молчунам, которые не активничают в течение семестра. На дворе ноябрь, пора задуматься о будущем. Поверьте, на пересдачах я еще суровее.

Похожие объявления сделали и другие преподаватели, без стеснения сказав, что завалят любого, кто откажется. Будущие юристы возмутились, создали петицию и написали несколько жалоб, но деканат лишь посмеялся и проигнорировал их жалкие потуги. По злосчастной теории государства и права Маша, как ни старалась, получала лишь тройки. Чтобы не гневить судьбу в лице противного педагога, она записалась в добровольцы, и в ее зачетке появилось корявое «отлично».

И вот наступила ночь накануне поездки. За окном бушевала метель, будто желала завалить мир льдом и белой пеленой. Маша взяла телефон, поморгала от яркого света. Сообщение, не прочитанное с прошлого

понедельника, мозолило глаза. Она, помедлив пару секунд, закрыла мессенджер и, включив музыку, посмотрела на темный монитор компьютера, письменный стол, книжный шкаф. Комната, где она выросла, совсем не изменилась, чего нельзя было сказать о ней самой. С прошлой осени ей потребовалось много месяцев, чтобы снова стать обычной девушкой. Но в душе будто что-то надломилось — и уже не стало бы прежним. Так бывало, когда наружу выбиралась темная сторона: жестокая, расчетливая, способная подставить даже близких людей. «Я бессердечная сука, раз постоянно вру, молчу о преступлении и не рассказываюсь? — рассуждала она, бездумно выводя узоры на одеяле. — Или это нормальная реакция? Здоровый эгоизм?» С недавних пор вместо привычного безразличия у нее все чаще прорывались эмоции, от которых становилось тошно. Вокруг горла закручивалась невидимая петля, которая постоянно вынуждала сознаться. Однако риск был слишком высок, а последствия грозили тюремным заключением.

Небо еще не прояснилось, когда тишину прорезали громкие трели. Нехотя поднявшись, Маша включила лампу, наспех сложила вещи в спортивную сумку, расчесала каштановые волосы, надела джинсы и любимую зеленую кофту. Дойдя до прихожей, она, натянув серебристую куртку, скользнула в подъезд.

Безлюдная улица встретила холодом и умиротворением. Город словно вымер. Серые панельки растворялись во тьме, сугробы блестели под лучами редких фонарей. Машины мирно дремали у дома, до

тротуара приходилось пробираться по узкой тропинке. Дворник либо спал, либо отлынивал от обязанностей. Пустые переулки и черные окна навевали на мысли о постапокалипсисе. Казалось, до сих пор царствовала ночь.

Маша поехала, сунула руки в карманы. Зимой она будто погрузалась в спячку, даже двигалась медленнее. Предновогоднее ожидание чуда исчезало с боем курантов, праздничные песни, игравшие в магазинах, начинали раздражать, хотелось грустить от осознания, что ничего не изменится, если не ухудится. Проходя мимо детской площадки, она посмотрела на высокую снежную горку, вспомнила, как недавно возражала, но в итоге со смехом прокатилась, сидя на рваной картонке. В те минуты сердце замирало от скорости, хотелось смеяться, пока ветер дул в лицо, а любимые руки держали крепко, не позволяя упасть. Белые ресницы, алые от мороза щеки, быстрые поцелуи под хохот закутанных малышей и неодобрительные вздохи их мам — те мгновения мелькнули так ярко, что Маша запнулась. Нахмурившись, она зашагала дальше.

Путь до университета занял тридцать минут. Она преодолела два перекрестка, трижды свернула, перебежала по пешеходному переходу, миновала ворота, углубилась влево, обогнула ряд хаотично посаженных елей. Все было таким привычным. Три года назад на этом же маршруте приходилось сверяться с навигатором, сжимать в потной ладони папку с документами, мучиться от июльской духоты и волнения. Тогда мимо

проносились нервные абитуриенты, огромный плакат приглашал выбрать свое будущее, а замученные практиканты в приемной комиссии передвигались со скоростью черепах. Вентиляторы лениво разгоняли жаркий воздух, кто-то из вчерашних школьников обмахивался копиями аттестатов. Маша с благоговением изучала стенд юридического факультета, представляла, какой счастливой станет, если поступит на бюджет. Рядом двое парней обсуждали отчисление. Удивляясь будничному тону, она думала, что никогда с таким не столкнется.

С самого начала учеба давалась без особых трудностей. Вскоре выяснилось, какие пары можно пропускать, как хитрить на сессиях, куда сходить, чтобы в полной мере насладиться студенчеством. Все изменилось в позапрошлом сентябре, когда Захар

Владимирович, преподаватель криминалистики, сообщил ей об отчислении.

— Как? Почему? — изумилась Маша.

— Не спрашивайте, — отчеканил тот.

— Но у меня нет долгов, хорошая успеваемость. Вы не можете просто так выгонять со второго курса.

— На руководство дают, мне тоже приказали не распространяться. Похоже, вы кого-то сильно разозлили. Не переживайте, это не конец жизни, молодые люди склонны преувеличивать. Без глупостей, ладно?

Маша кивнула и растерянно побрела, гадая: «Кто это сделал? В чем я провинилась?» Ответ мелькнул сразу же, но не успокоил. С тех пор она часто размышляла, сетовала на судьбу, ждала, когда сможет восстановить справедливость. Летели месяцы, копились сомнения: «Стоит ли перепоступить? Вдруг снова откажут? Попробовать онлайн-курсы? Без настоящего диплома никуда не возьмут». Рискнув, она подала документы в тот же вуз, на ту же специальность, однако не испытала ни капли радости. Лишь сюрприз, устроенный по случаю зачисления, немного приободрил. Вино, купленное по акции, вкусная пицца и заботливые объятия позволили выдохнуть и понять: все наладилось.

Маша мотнула головой, вернувшись в морозную реальность. Впереди выросло монохромное шестиэтажное здание, угол которого, проигнорировав табличку с зачеркнутой сигаретой, облюбовали под курилку. С университетом у многих были связаны

особые воспоминания, оно представляло собой эдакое место силы для каждого учащегося. Здесь всегда вертели последние сплетни о том, кто с кем переспал, кто отчислился, а кто просто умер. Последнее, конечно, было не так интересно обсасывать, как цвет чьих-то трусов, но из уважения требовалось уделить пару секунд усопшему.

Возле входа столпились сонные студенты. «Думаю, будет больше», — отметила Маша и направилась к высокой брюнетке в полушубке. Вместо приветствия Динара надавила на ручку огромного красного чемодана, проворчала что-то на родном башкирском. Если бы слово «эмоциональность» решили проиллюстрировать, ее снимки поместили бы на первое место. Иногда темно-карие глаза будто грели, порой кололи острыми кинжалами. Динара была красивой, прекрасно об этом знала и нарочно оставляла крохотную складку на клетчатых брюках — единственную небрежность в абсолютной идеальности. Ее волосы никогда не пушились, макияж не блек, маникюр не портился. Живи они сотни лет назад, ее бы обязательно обвинили в колдовстве. При знакомстве она напомнила Маше модную куклу, о которой мечтали все девчонки.

— Наконец-то. Вдвоем нам будет проще, — вздохнула Динара, когда раздался щелчок и ручка опустилась. — Уверена, там клоповник: кровати в два этажа, разбитая мебель, туалет на улице. Тихий ужас.

— Вряд ли, для рекламы нужен хороший фон, — размышляла вслух Маша.

— И деньги. Ректор всегда экономит. Лучше бы я простудилась.

— Дамир не помог?

Динара с братом были схожи внешне, но отличались характерами. Девушка напоминала зажженную спичку, а Дамир — ледяную глыбу. Он разговаривал деловым тоном, будто раздавал приказы, смотрел свысока как бизнесмен, добившийся немалых успехов, что не соответствовало действительности.

— Хотел подделать справку, — нахмурилась Динара. — Слишком опасно, вдруг отчислят или заведут уголовку?

Маша кивнула и увидела, как в их сторону, отделившись от группки, направился Кирилл. Его улыбка выглядела чем-то неправильным среди угрюмых лиц. Подтянутый блондин, сын маминой подруги, человек-зажигалка — при взгляде на него легко представлялся офис в центре города, огромные ценники за часовую консультацию, успешные дела и дорогие костюмы. «Вот кто знает, кем будет через пять лет», — частенько думала Маша. Кирилл любил панк-рок, играл на гитаре, всегда держался дружелюбно, но надменность, спрятанная за образом души компании, все-таки проступала наружу.

— Привет. Чего скучаете? — бодро спросил он, поправив олимпийку, торчащую из-под синей куртки.

— Автобус ждем, — процедила Динара, присев на чемодан.

Маша не знала, почему в присутствии Кирилла подруга становилась Снежной королевой. Возможно, их

непомерные амбиции сталкивались и боролись за первенство, либо причина крылась в общежитии, где проживал парень. Динара, выросшая в обеспеченной семье, часто повторяла, что в общагах пьют по-черному, сношаются, колются и дерутся. Это была наглая ложь, ведь в современном обществе шприцами давно никто не пользовался и существовали куда более интересные способы сократить себе жизнь. В остальном же Маша сама была об общагах не лучшего мнения, но все изменилось, когда ей довелось побывать на дне рождения Кирилла. Через пару тостов она разглядела душевность в скудной обстановке, пропахшей восьмидесятыми и нафталином. Порванные обои хранили надписи предшественников, хлопки дверей заглушали смех и разговоры. Теснота и отсутствие личного пространства давили, будто мир сжался до муравейника, где жилплощадь, досуг и сама жизнь были общими. После тех впечатлений родная спальня показалась раем.

— Зачем столько одежды? — спросил Кирилл, почесав затылок.

— Не стану же я сниматься в одном и том же, — устало произнесла Динара, словно объясняла очевидное неразумному ребенку.

— Какая разница? — настаивал парень. — Потом возьмут два-три ролика. У нас не привыкли замораживаться.

— Раз не откосили, нужно стараться, — возразила Динара.

— Сложно вам, перфекционисткам, — улыбнулся он. — А ты, Маш? Взяла целый гардероб?

— Только самое необходимое.

— Правильно, — похвалил он.

Когда Машу хвалили за аскетизм, в душе возникало противоречивое чувство, ведь на самом деле у нее просто не было денег, чтобы купить новую одежду.

— У меня мало вещей, зато влезли напитки, — сказал Кирилл. — Хотите чаю? Или чего покрепче.

Подруги отказались.

— Почему? — поник он. — Согрелись бы, раз университет закрыт.

Маша слышала про алкомарафоны его друзей, поэтому всерьез опасалась, что он предложит водку или текилу. Кирилл попытался снова, но ретроградный Меркурий, магнитные бури, недовольный взгляд Динары или все разом ослабили харизму. Уговоры не действовали.

— Как считаете, слухи про жену ректора — правда? — продолжил тот после недолгой паузы.

— Что она купила лагерь? — оживилась Динара. — Скорее всего. Просто так «Бурей» бы не заинтересовались.

— Думаю, нас согнали из-за гранта, — поделился мыслями Кирилл. — Видимо, ректор планирует выиграть в какой-то программе, иначе зачем тащить студентов?

— Наверное, обещают много денег, — предположила Динара. — Странно, что нас запрягли. Не проще нанять актеров?

— Бесплатная рабочая сила, — хмыкнул парень. — Пашем за еду и халяву.